

УДК 329.15:323.1(574)-09

Кыдыралина Ж. У.

*д.и.н., заведующая отделом истории
индустриально-инновационного развития и этносоциальных
процессов Института истории государства (г. Астана)*

БОЛЬШЕВИЗМ И КАЗАХСКИЙ «НАЦИОНАЛИЗМ»: ИМПЕРСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Существенное место в национальной политике большевистского руководства занимала идейная борьба с «национал-уклонизмом». Особенно беспощадную борьбу советский режим вел с местным, казахским «национализмом». Борьба большевиков с национализмом была связана с выдвинутой на июньском 1923 года Пленуме ЦК РКП(б) концепцией усиления классовой борьбы по мере приближения к социализму. Попытки противостояния «генеральной линии» партии получили экзотические названия по фамилиям партийных, советских, культурных деятелей, вставших на пути сталинской группы: «ходжановщина», «садвакасовщина», «рыскуловщина», «мендешевщина».

С конца 1925 г. в Казахстане начала разворачиваться борьба за преодоление «ходжановщины». «Не думайте, что Ходжанов находится в Москве, - заявлял Голощекин, - дух его витает здесь, он уезжает и почти каждые три недели приезжает сюда. И так как он опытный группировщик, то он быстро умеет выдвигать группировочные лозунги, умеет быстро объединиться, с кем еще вчера ссорился, создать блок. Это происходило, кажется, в августе. Поэтому группировку можно назвать «августовским блоком». Объединяются в основном т. Ходжанов, т. Садвокасов и т. Мунбаев (председатель КазЦИКа)» [1].

Ходжанову, как и другим представителям национальной интеллигенции, не раз приходилось защищаться от нараставших с каждым годом необоснованных обвинений, открытой травли и угроз.

Выступая на пленуме Казахского краевого комитета партии в ноябре 1926 года, Голощекин определил два поколения

алашордынцев и дал свою характеристику. Так, он выделил старых руководителей и новое поколение алашордынцев, отметил принципиальные различия между ними. Если взять старое поколение алашордынцев, то у них было что-то в прошлом, они были в прошлом, в казахских условиях, буржуазными революционерами. А у молодого поколения этого нет, они переполнены гневом, они закалились в борьбе с советской властью. Голощекин признавал наличие двух поколений национальной интеллигенции в освободительном движении и преемственности поколений: «буржуазных националистов» и «национал-уклонистов» [2].

В резолюции объединенного пленума Казахского краевого комитета и Краевой контрольной комиссии ВКП (б) в апреле 1928 года «О задачах культурного строительства в Казахстане в связи с решениями XV съезда ВКП (б)» подчеркивалось: «...мы должны преодолеть и побороть сильное влияние националистической буржуазной интеллигенции на культурном фронте. <...> Мы уже встречаем возрастающее сопротивление со стороны активизирующихся байских элементов, использующих всевозможные формы экономической и политической борьбы и в то же время крепко цепляющихся за бытовые традиции, религиозные предрассудки и т.п. <...> Буржуазно-националистическая интеллигенция всячески старается оформить идеологически эти чаяния полуфеодалов, бая и аксакала. <...> в самой парторганизации садвакасовские элементы ведут переключку и заигрывают с буржуазно-националистическими слоями» [3, с. 356].

Со стороны партийных органов продолжалась беспрецедентная травля и преследование казахской интеллигенции, обвинения в национализме. 16 октября 1928 г. на собрании Кзыл-Ординского партактива первый секретарь крайкома заявил: «...Вообще, когда я говорю о группировках, я имею в виду национализм... Когда я упоминаю садвакасовщину, я имею в виду и ходжановщину, и рыскуловщину, и мендешевщину, и всех тех, кто был с ними. Одним миром они помазаны. Объективные условия для группировщиков у нас еще полностью не изжиты, старые вожди живы, их носит еще земля, правда не казахстанская...» [4].

Голощекин крайне отрицательно охарактеризовал первый период существования Казахской республики, с 1920 до 1925 гг., отмечая в нем превалирование национальных моментов и называя

этот период временем господства группировок националистов. В своей статье в журнале «За партию» в начале 1930 г. он писал: «... В это же время идет вовлечение в партию казахов вообще без заострения вопроса о социальном происхождении вовлекаемых; газета, книга, учебник издаются на казахском языке вообще, не обращая внимания на их содержание. Это времена «Ак жол» и старой памяти «Енбекши казак» до V конференции. Это время характерно не партийным строительством, а господством идеологии ходжановщины, рыскуловщины и садвакасовщины, отражавших тогда алашордынскую идеологию внутри партии. Это время, когда руководство было в руках всех этих группировок националистов... Я утверждаю, что в то время трудно было найти коммуниста-казаха, который не принадлежал бы какой-либо группировке» [5].

В республике обозначились разные подходы к темпам и способам проведения конфискации баев. Голощекин различал «левое» и «правое» течения в партийной организации республики. Представители левого течения требовали немедленной конфискации имущества баев. III пленум Казкрайкома в ноябре 1926 г. осудил «левацкие ошибки» О. Джандосова, который требовал немедленных политических и экономических мер, в т.ч. и принудительных, против остатков патриархальщины и байства [6].

«Левый уклон» представляли также С. Мендешев, О. Исаев, И. Курамысов, С. Сейфуллин, У. Кулумбетов, Е. Ерназаров и др.

«Ярко выраженным, идейно оформленным», по выражению Голощекина, было «правое» течение, куда он относил Т. Рыскулова, С. Садвокасова (руководитель этой группы), С. Ходжанова, Ж. Мунбаева, И. Мустамбаева, Ж. Султанбекова и др.). Сторонники этой группы открыто и принципиально критиковали голощекинские методы при проведении реконструкции народного хозяйства Казахстана, предлагая не форсировать, а более осторожно, постепенно переходить к социализму в национальных окраинах.

В ноябре 1927 г. в Кызыл-Орде состоялась Шестая Всеказахстанская конференция, на которой горячая полемика развернулась по вопросам партийного строительства, межнациональных отношений, коренизации аппарата. Критика алашевцев прозвучала и на Седьмой Казахстанской Краевой конференции ВКП(б) 30 мая–6 июня 1930 года. В резолюции по отчету Крайкома констатировалось, что «в Казахстане

националистически настроенная, воспитанная на принципах алаш-ордынской идеологии интеллигенция сохранила еще значительное влияние на важнейшие отрасли культурного строительства (составление учебников, методическое руководство, работы в области проблем языка, орфографии и т.д.)). Конференция поручила парторганизациям ускорить подготовку «молодых, классово преданных и идеологически выдержанных работников (аспирантура, курсы при научных учреждениях)» [7, с. 115].

Тоталитарной системой жестко сдерживались выражения и проявления национального в образовании, науке, литературе, искусстве, религиозно-духовной культуре. Им в корне пресекались любые проявления национальных чувств, если они были направлены на защиту национальных традиций, языка, культуры, требовали полного учета национальных интересов. Все национальные ценности, силы, интересы должны были быть принесены в жертву тоталитарной системе.

Власть была особенно сильно обеспокоена влиянием казахской интеллигенции на молодежь. Эта озабоченность так выражена в резолюции Восьмой Казахстанской Краевой конференции ВКП(б) в январе 1934 года: «Развертывание строительства национальной культуры, решительное проведение коренизации госаппарата и всемерное развитие казахского языка, литературы и т.д. казахский национализм пытается использовать в своих целях, активизирует свою работу и особенное внимание направляет на борьбу за влияние на молодежь» [7, с. 232]. Казкрайком призывал направить огонь критики против казахского национализма и уклонов к нему, уделить особое внимание идеологической борьбе против проникновения чуждой, особенно алашордынской, идеологии в школы, учебные заведения, театр, литературу и т.д.

В пункте 16 опубликованных 3 октября 1933 года в «Казахстанской правде» культурно-пропагандистским отделом Казкрайкома ВКП(б) «Тезисах для докладчиков к XIII годовщине Казахской ССР» упоминались «ходжановщина, садвакасовщина, рыскуловщина, мендешевщина» как отброшенные парторганизацией носители чуждой идеологии» [3, с. 356].

Протестуя против такой проработки со стороны культпропа Казкрайкома партии, Т. Рыскулов обращался с письмом в декабре 1933 года к первому секретарю Казкрайкома ВКП(б) Л.И. Мирзояну: «В указанном пункте тезисов достаточно сказано

о борьбе с великорусским шовинизмом и местным национализмом. К чему еще нужно было перечислять эти давно отжившие «щины»? Хвосты этих «щин» давно «самоопределились», а «вожди» признали прошлые свои ошибки, и не думаю, чтобы они пытались повторить эти ошибки. Например, бывшие «мендешевцы» занимают сейчас в Казахстане руководящие посты, а сам тов. Мендешев, как будто, не отклоняется от партийной жизни» [3, с. 356].

Смысл повторения этих «щин Т. Рыскулов усматривал в стремлении «кое-кого из культпропа Казкрайкома руководствоваться голощекинскими методами». Рыскулов подчеркивал, что «рыскуловщина» имела место в бывшем Туркестане в период 1920-1922 гг. в узбекской среде и никаких оснований не было проработывать «рыскуловщину», так как в Казахстане он почти не работал, основанная его работа проходила в Ташкенте, и к 1922 году, работая в Москве (в Наркомнаце), он осознал свои ошибки.

Он отметил также, что во время кратковременной работы в 1925 году в Кзыл Орде заведующим отделом печати Казкрайкома и ответственным редактором газеты «Еңбекші қазақ» он, наоборот, «заострял борьбу с местным национализмом и идеологией алашордынцев». Рыскулов просил Мирзояна как нового руководителя казахской парторганизации, не допускать необоснованной проработки, высказывая свое мнение, что тот лично не давал такой директивы.

Рыскулов писал, что нет оснований сваливать все бывшие «щины» в одну кучу [3, с. 356, 357].

Рыскулов показал себя в полемике сильным, уверенным в себе человеком, умеющим постоять за себя, крупным исследователем, блестящим аналитиком и публицистом. На обвинения в национал-уклонизме, «рыскуловщине» он находил нужные, убедительные формы ответа. На четвертом совещании националов на жесткие реплики Сталина председатель ТурСНК Т. Рыскулов отвергал все наветы в свой адрес, отстаивал свою позицию.

Целых 17 лет Рыскулова третировали при жизни, вынуждали частенько каяться, а потом, обвинив во всех мыслимых и немыслимых грехах, лишили жизни. Так, долго и после реабилитации Т. Рыскулова на его имени лежала печать полуотверженного, полусвоего-получужого [8].

Осознавая опасность «избыточного роста» национализма, центральная власть пыталась контролировать его путем террора. В 1926-1927 гг. советская власть перешла к репрессиям по отношению к национальной интеллигенции. В разгар большого террора, сталинских репрессий именно преследования по национальному признаку, а не по классовому были преобладающими. 4 апреля 1930 г. по решению ОГПУ были арестованы более сорока деятелей Алаш Орды, в т.ч. А. Байтурсынов, М. Дулатов, и заключены на различные сроки в тюрьмы и концлагеря, высланы. Решением «тройки» ОГПУ 20 апреля 1932 г. М. Тынышпаев, Х. Досмухамедов и еще более двадцати представителей национальной интеллигенции были высланы сроком на пять лет в Воронежскую область [9, с. 17].

В 1928-1929 гг. по сфабрикованным обвинениям была арестована группа «буржуазных националистов» из 44 человек, среди которых – А. Байдильдин, М. Жумабаев, А. Байтурсынов, Ж. Аймаутов и др. Часть из них была расстрелена, а часть – осуждена на длительные сроки. В 1930 году была арестована другая группа, также из 40 человек – М. Тынышпаев, Х. Досмухамедов, К. Кеменгеров, А. Мунайпасов и др. Впоследствии участники обеих этих групп были осуждены повторно и расстреляны [10].

В 1929 году за крамольные речи, выражавшие недовольство политикой Голощекина, С. Сейфуллин был снят с должности ректора Ташкентского педагогического института. В «Казправде» появилась статья Юсупова «О Сейфуллине и сейфуллинщине». В ней так характеризовалась деятельность Сейфуллина: «Сейфуллинщина – правое дело, прикрываемое левой фразой. Под знаменем беспринципной сейфуллинщины объединяются все те, кто стоит на грани отрыва от масс, засасывается в мелкобуржуазное болото, все те, кто недоучитывает трудности нашего роста, не верит в успех нашего дела, восстает против партийного руководства. Литератор Сейфуллин – идеолог своеобразного упадничества. Сейфуллинщина, так же как ходжановщина, мендешевщина, садвокасовщина и прочие – антипартийный уклон» [11].

С. Сейфуллин был обвинен в троцкизме, в организационных связях с врагом народа Г.Я. Сокольниковым. Сокольников был председателем Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, в последующие годы заместителем наркома и наркомом финансов РСФСР, был и на других руководящих постах.

Так режим расправлялся с носителями национальной идеологии, духовности и культуры – казахской интеллигенцией. Термин «национализм» служил оружием в идеологическом противостоянии. Достаточно было на идейного противника повесить ярлык «буржуазного националиста», что равнозначно было признать его врагом социализма, и обезвредить.

Большевизм не допускал никакой возможности разделения власти с какими-либо оппонентами, исключал любой идеологический плюрализм, был жестко ориентирован на политическую диктатуру.

Список использованной литературы:

1. Голощекин Ф.И. *Партийное строительство в Казахстане.* – М., Алма-Ата, 1930. – С. 100.
2. Қойгелдиев М. Әлихан Бөкейханов // Бөкейханов Ә. Шығармалар. – Алматы: Қазақстан, 1994. – С. 69, 70.
3. Рыскулов Т. *Собрание сочинений в трех томах. Том 3.* – Алматы: Қазақстан, 1998. – 444 с.
4. *Советская степь.* - 1928. - 24 октября.
5. Голощекин Ф.И. *Коренизация в период реконструкции // За партию.* – 1930. - № 1-2. – С. 36, 37.
6. Бурабаев М.С. *Общественная мысль Казахстана в 1917-1940 гг.* – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – С.139.
7. *Коммунистическая партия в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 2. (1928-1937 гг.).* – Алма-Ата: Қазақстан, 1981. – 384 с.
8. Нұрпейіс К. / Бас ред. Б. Аязан. *Тарихи тұлғалар.* – Алматы: «Қазақ энциклопедиясының» Бас редакциясы, 2007. – С.148.
9. *Алаш қозғалысы. Құжаттар мен материалдар жинағы. Сәуір 1901 ж. - желтоқсан 1917 ж. Движение Алаш. Сборник документов и материалов. Апрель 1901 г. – декабрь 1917 г.* – Алматы: «Алаш», 2004. – Т. 1. – 552 б.
10. Иконников А. *Знать и помнить // Континент.* – 2007. – 23 мая – 5 июня. - № 10. - С. 21.
11. Юсуфов. *О Сейфуллине и сейфуллиниціне // Советская степь.* - 1929. – 3 августа.

Мақалада ХХ ғ. 20-30 жж. Қазақстандағы ұлттық мәселе туралы идеялық күреске, большевиктердің қазақ интеллигенциясына қатысты ұстанған саясатына, ұлттық рух пен мәдениетті тасушыларға «ұлтшылдар» деп айдар тағып, оларға қарсы ұйымдастырылған қуғын-сүргіннің әртүрлі формаларына талдау жасалынады. Мұрағат деректері негізінде республиканың ұлттық мүдделеріне қарсы жасалған империялық үстемдік нақты деректермен келтіріледі.

The article devoted to the analysis of ideological struggle in 20-30th XX century on national aspects in Kazakhstan, bolshevik's policy according to the

Kazakh intelligentsia, different forms of repression against it and hanging up the label “nationalist” to the exponents of national spirit and culture. On the basis of archival data there are the facts about suppression the national interests of the Republic by imperial center.

УДК 94(574) «17»

Таскужина А.Б.

*к.и.н., доцент Костанайского
государственного педагогического института*

ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ЖУЗА В XVIII В.

Сибирское казачество являлось крупным воинским формированием, созданное для проведения колониальной политики правительства в степи. С первых лет существования они участвовали в подавлении движений казахского народа, расширении территории.

Гарнизоны, линейные крепости формировались за счет регулярных войск и служилых казаков. В 1745г. в Сибирь был командирован генерал-майор Х.Т.Киндерман с Ширванским и Нотебургским пехотными полками, и Валдайским, Олонецким и Луцким драгунскими полками. Он возглавил Отдельный Сибирский корпус. По указу Правительствующего Сената от 23 сентября 1744г. его назначили первым командующим регулярными и иррегулярными войсками на Сибирских пограничных линиях.

Построение линейных казачьих войск отличалось от регулярных войск следующим: гарнизоны были только в крепостях и форпостах, основная масса казаков вела жизнь сельских обывателей, т.е. пахала, сеяла, убирала хлеб, содержала скот и т.д. [1.С.132-133.].

Для устройства казачьего войска у казахов Среднего жуза царские чиновники изъяли из пользования 10 – верстную полосу лучших пахотных и луговых земель вдоль Иртыша, в действительности она была значительно шире, достигая местами 25-30 верст.

На войсковых линиях казачьи поселения располагались цепью, на равном расстоянии друг от друга: по Горькой линии - в среднем через 9,2 версты; по Иртышской – 16,2; по Бийской – 19,2; по Бухтарминской – 22 версты. Самой северной казачьей станицей в